

ЧЕРНЫЙ ЮМОР СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЫ

Грэм Грин закончил свою новую книгу «Воспоминания о Торрихосе» и со дня на день ждал ее сигнального экземпляра. Но в этот короткий период писательского отдыха — недолго, до следующей книги — вторгся увесистый пакет из США. Писатель секунду с недоумением подержал его в руках.

Содержимое пакета превзошло все догадки...

Писатель рассказывает, что ему удалось получить переставшее быть секретным досье, которое велось на него агентами ФБР.

Сразу и не разберешься в этом калейдоскопе номеров входящих, исходящих, дат поступления и отправления, неведомых лиц, коим адресована информация, печатей, штампов... Однако над всеми этими мелкими штрихами, как балки несущей конструкции, довлеет черная тушь, похоронившая основную текст. Не перышком — малярной кистью поработали рецензенты из ФБР! Что позволяет узнать, например, эта страничка, фотокопия которой мы воспроизводим в газете с разрешения Грэма Грина? Прежде всего: это типографское тиснение официального бланка ФБР. На таких бланках агенты службы стучат свои донесения на граждан «свободной» страны, на гостей США, на интересующих их людей во

всем мире. Письмо адресовано конкретно директору ФБР. Объект наблюдения — Грэм Грин, писатель. Отправитель рапорта — секретный агент 62-0. Замысловатый иероглиф внизу, где обязан расписаться «специальный уполномоченный агент», расшифровать ничуть не легче, чем сам кодовый номер 62-0. Вот и все! Информационная часть доклада погребена под разлитым морем туши.

— По досье ФБР, — говорит писатель, — я могу узнать такие сведения о себе, как дата и место рождения, время первого и последующих приездов в США... Из рубрики «Особые приметы» — в какую пору жизни сколько весил. Да-да, в килограммах! Не подумайте, что ФБР оценивало мой писательский вес... — Грин смеется. — Ну и еще: я могу заключить, что слежка за мной велась всю жизнь. Даты докладов ретушеры отчего-то не закрашивали!

— 1957 год, к которому относится конкретно эта страничка, из досье на вас... Уже написан «Тихий американец», уже зарождаются «Наш чело-

век в Гаване», а вслед за ним и знаменитые «Комедианты». С этих произведений латиноамериканская тема прочно вошла в ваше творчество, может быть, даже стала ведущей. Стоим последним произведением, насколько мы можем судить, вы снова возвращаетесь к ней?

— Да, с 1976 года я часто бывал в Панаме. Торрихос познакомил меня с сандинистскими руководителями, когда они еще были в изгнании. Он включил меня в делегацию своей страны и даже выдал мне панамский паспорт — для участия в церемонии подписания договора с США о Панамском канале... Я лично всей душой верю в здравые силы Америки. Верю, что именно чувство здравого смысла американского народа удержит реигановскую администрацию от вторжения в Никарагуа и Сальвадор, которые могут обернуться «вторым Вьетнамом» для страны. А если расширить масштаб, если мыслить категориями не одного континента, а целого мира, то я нахожу поведение нынешних руководителей США глупым, опасным и безответ-

Date: 11/22/57
AIRTEL

Transmit the following message via _____
(Priority or Method of Mailing)

TO DIRECTOR, FBI
FROM SAC, NEW YORK (62-0)
SUBJECT GRAHAM GREEN
MISCELLANEOUS INFORMATION CONCERNING

715
RECEIVED
FBI
APR 22 1984

ственным прежде всего из-за того, что они то и дело отвергают все разумные предложения Москвы...

— Вы догадывались раньше, что ФБР ведет за вами слежку?

— Я всегда догадывался и даже наверняка знал, что каждый мой шаг, каждое слово и движение наблюдалось и подслушивалось. Так что же? Отложить перо? Замолчать? Наоборот, это всегда придавало мне задора. Мысль о дестабилизации Советского Союза с помощью гонки вооружений вынашивает уже не первая американская администрация. И Рейган не первый, кому придется проглотить горькую пилюлю разочарования. Я трижды был в СССР. В последний раз с сыном. И та поездка в некоторой степени была моим подарком ему в день рождения. Мы вместе — я глазами много пожившего человека, а он глазами юноши,

начинающего жить — увидели вашу страну одинаково. Ни шантажом, ни угрозами, ничем не удавалось запугать Москву. Стоило бы это хорошо запомнить тем, кто все еще рассчитывает увидеть у своих ног мир, хотя не в силах поставить на колени даже маленький соседний народ, когда он восстанет против диктаторов...

Грэм Грин встретил 80-ю весну своей жизни в Антибе, приморском городке на Лазурном берегу, где ее дыхание уже чувствуется в полной мере. Дверь квартиры писателя нараспашку открыта к морю. В комнату влетает ветер, шевелит на столе сваченное скрепкой досье ФБР. 40 листов, и рядом чистые листы. И перо писателя. Невольно подумалось: уж не сослужил ли черный юмор секретной службы добрую службу писателю, подарив ему новый сюжет, завязку для следующей книги?

Александр ИГНАТОВ,
соб. корр. АПН,
Александр САБОВ,
соб. корр. «ЛГ»
АНТИБ — ПАРИЖ

Один из крупнейших современных писателей Грэм Грин широко известен у нас в стране. В 1982 году на русском языке была опубликована его повесть «Доктор Фишер из Женева», имеющая остросоциальный характер и антивоенную направленность. Журнал «Иностранная литература» в прошлом году напечатал памфлет Грина, разоблачающий мафию, — «L'accuse».

В нынешнем году писателю исполняется 80 лет. Но и в этом возрасте он сохраняет завидную творческую активность. Не ослабевает его жгучий интерес к проблемам сегодняшнего мира. Об этом свидетельствуют интервью, данное им для «ЛГ», а также беседа, которую мы перепечатываем с сокращениями из итальянского еженедельника «Эпока».

«РЕЙГАН ЗАКРЫВАЕТ ДВЕРИ»

Писателя можно встретить в коридорах, гостиных и барах лозаннского отеля «Бо Риваж», где разместилась съемочная группа фильма «Доктор Фишер из Женева» (режиссер — Майкл Линдсей Хогг) по блистательной повести Грина.

— Я не люблю давать интервью, — заранее предупреждает Грин. — То, что я мог бы рассказать или написать о себе самом, — поясняет он терпеливо, — или то, что еще можно сказать или написать обо мне, будет менее убедительно, чем мои книги.

Но на следующий день на съемочной площадке он уже не так скуп на слова.

— Я сам захотел присутствовать на съемках, — говорит он. — Из любопытства и еще потому, что мне нравится подглядывать за «Доктором Фишером из Женева», словно он уже принадлежит не мне, а другим людям. Интересно видеть, как двигаются, жестикулируют, ходят персонажи, которые мне так близки и понятны.

— Они не кажутся вам изменившимися?

— Нет, я узнаю их интуитивно.

— Фильмы, снятые по вашим книгам, обычно вас разочаровывают.

— Таких строгих суждений я, по-моему, не высказывал. Я невысокого мнения о тех немногих фильмах, к которым мне не довелось приложить руку как сценаристу. Кстати, некоторые из них действительно были ужасными, особенно фильмы американского производства. Они полностью исказили литературную основу...

— А вы вообще любите кино?

— Люблю, знаю, разбираюсь в его законах и механизме. Я был кинокритиком, сопродюсером и даже сам как-то сыграл одну крошечную роль в фильме Трюффо «Американская ночь». И никто меня не узнал. А имя мое в титрах не фигурировало.

— И вам никогда не хотелось повторить этот

опыт? То есть быть актером?

— Когда я был совсем юным, в Оксфорде я выступал на любительской сцене колледжа и думал тогда, что это может быть увлекательно. Но я счастлив, что не поддавался тогда соблазну. Терпеть не могу переодеваться. Но мне нравилось придумывать сюжеты для театра, ездить с труппой в турне, присутствовать на репетициях.

Спустя час мы сидим с ним на диване в каком-то зале (вокруг настоящее светопредставление — полы провалились, отовсюду торчат балки, кресла свалены в кучу) и беседуем о милосердии и сострадании.

— На первый взгляд «Доктор Фишер» — книга, которая не оставляет надежды, — задумчиво говорит Грин. — Единственная движущая сила этой истории — месть. И вот у человека, сумевшего отомстить, не остается больше цели в жизни, и он убивает себя... Вы помните? Детонатором этого поступка

становится сострадание. Человек, которого Фишер преследовал, морально уничтожил, стер в порошок, однажды вечером набрался духу и отправился к Фишеру, чтобы выплеснуть всю свою ненависть к нему. Но, оказавшись перед лицом всемогущего Фишера, вдруг тихо сказал: «несчастный». И этим окончательно сокрушил его гордыню. Не милосердием, предполагающим наличие в человеке уверенности в себе, а именно... состраданием. Сострадание — чувство, объединяющее равных: несчастного с несчастным, соучастника с соучастником. Они равны перед лицом трагедии.

— Вы встречали когда-нибудь доктора Фишера в жизни?

— Нет, хотя знал людей, обладавших некоторыми его чертами.

— Отождествляли ли вы когда-нибудь себя с главными действующими лицами своих романов?

— Я стараюсь полностью от них отстраниться. Я не хочу быть замешанным в их истории. Ребен-

ку, чтобы он мог жить, приходится перерезать луповину...

— Альберто Моравиа полагает, что атомную войну люди должны навсегда объявить вне закона. То есть запретить ее.

— Такой возможности в данном случае я не вижу, а если она и есть, то настолько отдалена от нас, что кажется утопичной. Очень важно суметь завязать диалог.

— Ваше отношение к движению в защиту мира?

— Оно встречает всеобщую поддержку. В том числе и со стороны русского народа. Нельзя не испытывать симпатии к участникам движения за ядерное разоружение, к их протестам... Но я полагаю, что главы государств должны продемонстрировать свою готовность к переговорам. Советское руководство ее продемонстрировало. А вот Рейган слишком часто закрывает двери на пути переговоров.

— В общем, давайте говорить, а не воевать?

— Да, пожалуй, так.